

Тимофей Гимон

О некоторых новых подходах к изучению летописей

Timofey Guimon (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

About some new approaches to the study of Rus annals

DOI: 10.31857/S086956870005866-3

Статья В.Г. Вовиной-Лебедевой поднимает некоторые важные и даже острые вопросы летописеведения и представляется мне очень удачной и своевременной.

Прежде всего я хотел бы отметить очень точную, местами резкую, но нигде не выходящую за пределы корректности критику летописеведческой части недавней книги А.П. Толочко¹. При всём остроумии и тонкости многих наблюдений автора, при том, что эта книга отнюдь не бесполезна, невозможно принять то, как автор «расправляется» со многими сложными проблемами в изучении Начальной летописи. Вовина-Лебедева, на мой взгляд, ёмко и правильно об этом написала. С другой стороны — и это тоже подчёркивает автор — книга Толочко возрождает традиции скептического подхода к ранним летописям, который всегда провоцировал (и должен спровоцировать на этот раз) «традиционных» учёных на рефлексию и более ответственное обоснование собственных позиций.

Сложнее, на мой взгляд, обстоит дело с критикой подходов и концепций И.Н. Данилевского. Будучи ещё студентом, я начинал свой научный путь с полемики как раз с ними², и скажу к чести Игоря Николаевича, что он отнёсся к моим опытам благосклонно и доброжелательно. Однако я думал уже тогда, и продолжаю думать сейчас, что основные идеи Данилевского представляют собой, скажем так, одну из нескольких всерьёз допустимых опций при анализе летописного текста. Так, хотя у нас нет твёрдого критерия отличия «скрытых библеизмов» от простых совпадений, во многих случаях гипотеза об аллюзии на священный текст выглядит одним из ключей, помогающим лучше понять замысел средневекового автора. Точно так же у нас нет твёрдых доказательств того, что летописцы воспринимали свой труд в категориях Страшного суда или прижизненного покаяния³. Однако подобное предположение допустимо, и оно помогает объяснить многие особенности летописных текстов. Я сам склонен думать, что летописцы воспринимали свой труд как авторитетную запись важнейших деяний и происшествий (своего рода протокол), а вот о том, в какой конкретно ситуации такая запись могла бы в будущем пригодиться, могли иметь различные представления (и в том числе думать о Страшном суде) либо даже не иметь никаких.

И ещё один момент. Гипотезу Данилевского о предназначении летописей для Страшного суда часто критикуют за то, что он приписывает средневековым книжникам какое-то странное представление о взаимоотношениях человека и Бога (например, Вовина-Лебедева пишет: «Неужели летописец мог думать, что Спасителю, чтобы произвести суд, нужна летопись или любые другие письмен-

¹ Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 20—100.

² Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? // Журнал «ФИПП». 1998. № 1(2). С. 12—13.

³ Эти две возможности И.Н. Данилевский считает равно допустимыми (Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 264).

ные донесения?»). Мне же представляется, что летописец, работавший в недавно крещёной стране, мог быть носителем весьма архаичных представлений о взаимоотношениях человека и высших сил, которые могли допускать подобные формы взаимодействия. Вспомним хотя бы многочисленные древневосточные письменные тексты о достижениях правителей, адресованные божествам⁴.

В.Г. Вовина-Лебедева немного затронула такую тенденцию в летописеведении, которую можно обозначить как моду на кодикологические реконструкции. А.А. Шахматов и его ближайшие последователи, как правило, любые расхождения между дошедшими до нас памятниками объясняли в категориях переработки всего летописного текста (т.е. всякий раз предполагали, что на новом этапе работы летопись полностью переписывалась). Напротив, ряд современных авторов (как минимум, А.А. Гиппиус, который здесь является пионером, С.М. Михеев и я)⁵ склонны прибегать к гипотезам о том, что в утраченном протографе могли быть заменены тетради, переписана только часть текста, добавлен текст на полях, вставлены или переставлены листы. Соответственно, расхождение между дошедшими до нас текстами объясняется тем, что один передаёт состояние протографа до этих изменений, а другой — после.

Хотя и у меня самого иной раз остаётся ощущение чрезмерной увлечённости такими, иногда весьма гипотетичными, реконструкциями, всё же я считаю их вполне легитимным приёмом. Во-первых, как в этой связи справедливо отмечал Гиппиус, немногие дошедшие до нас летописные рукописи на пергамене демонстрируют кодикологическую неоднородность⁶. Например, Синадальный список Новгородской I летописи состоит из частей, написанных в XIII и XIV вв., имеет сделанные разными почерками приписки о событиях XIV в., а кроме того, в нём кем-то произведены два политических (промосковских) исправления⁷. Более чем вероятно, что и многие из недошедших до нас кодексов содержали разные пласты добавлений и исправлений. Во-вторых, как раз об этом говорят зарубежные аналогии: рукописи, содержащие тексты такого же типа, что русские летописи (анналы, хроники — нюансы различия этих терминов в данном случае не важны), иногда включают в себя разновременные части, отражают процесс не только продолжения летописи новыми погодными записями, но и замены тетрадей, глоссирования, выскабливания, исправления дат и т.п.⁸

Это — к вопросу о том, что дают зарубежные аналогии. Хотя ни одна аналогия не способна ничего доказать, они дают нам представление о спектре

---

⁴ См., например: *Красова А.А.* Ассирийское историописание XIV—VII вв. до н.э. Многообразие жанров // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 41—45, 61—62.

⁵ *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 13—14, 24—28, 64—69; *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 42; *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 20—22; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 18—20, 38—40, 130, 151—152; *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012. С. 524—536.

⁶ *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций...I. С. 42—43.

⁷ См.: *Гимон Т.В.* Новгородское историописание в правление Василия Калики (1330—1352) // Историческое повествование в Средневековой России. К 450-летию Степенной книги. Материалы всероссийской конференции. М.; СПб., 2014. С. 36—50.

⁸ См.: *Гимон Т.В.* Историописание.... С. 338—496, 524—528.

возможностей: как могло быть, какого рода предположения мы можем строить, стремясь объяснить то или иное соотношение дошедших до нас текстов.

Например, как справедливо отмечает Вовина-Лебедева, интересны аналогии, касающиеся приёмов работы сводчиков. К материалу, собранному в моей книге, добавлю интересные наблюдения, сделанные сравнительно недавно Д. Броуном над «Хроникой Мельроза» — шотландским анналистическим кодексом XII—XIII вв. Подобно многим летописям, этот памятник вначале был создан как свод на основе более ранних текстов, а потом в течение более чем 100 лет (с 1170-х по 1280-е гг.) продолжался, с разной степенью систематичности, новыми записями. Над созданием ретроспективной части (собственно свода) около 1173—1174 гг. трудились в основном трое писцов (писцы 3, 6 и 5), причём они работали параллельно над разными частями текста. Манера работы у них была разной. Писец 5 создавал именно свод на основе двух источников; иногда, если в обоих шла речь об одном и том же событии, он составлял сводный рассказ, перемежая небольшие фрагменты, позаимствованные из разных текстов. Писцы 6 и 3 использовали только один из этих двух источников, возможно, писец 3 работал с другой его редакцией (а значит — с другой рукописью). Ещё один, третий источник использовал исключительно писец 6 (черпая оттуда сведения о римских папах), а писец 3 начал привлекать дополнительные данные тогда, когда стал писать об относительно недавних событиях⁹. Думаю, что этот пример весьма поучителен в плане того, насколько нелогичной, нерегулярной (с современной точки зрения) может быть работа средневековых летописцев-сводчиков — тех самых, от кого мы (воспитанные в шахматовской традиции) ждём цельности замысла и чёткой политической позиции.

В дополнение к сказанному Вовиной-Лебедевой я хотел бы отметить ещё одну тенденцию в современном летописеведении: интерес к тому, что я бы назвал «источниковедением содержания». В центре летописеведческих работ всегда стояли и продолжают стоять вопросы истории текста. И это абсолютно закономерно: летописи — сложносоставные памятники, и главная источниковедческая задача в применении к ним — выяснить (в идеале), какой фрагмент когда, кем и при каких обстоятельствах был написан, а также какие изменения претерпевал впоследствии. Однако в недавнее время приобрели популярность подходы, связанные не сколько с изучением истории текста, сколько с применением к дошедшим до нас текстам каких-то методик, позволяющих сказать о них нечто неочевидное при простом прочтении. Один из таких подходов — поиск скрытых библеизмов (и шире — цитат и аллюзий на более ранние авторитетные тексты) — подробно обсуждается Вовиной-Лебедевой¹⁰. Но есть и другие:

---

⁹ Broun D. Creating and Maintaining a Year-by-Year Chronicle: The Evidence of the Chronicle of Melrose // *The Medieval Chronicle*. 2009. Vol. 6. P. 144—146.

¹⁰ В качестве талантливой образцы такого подхода к летописным текстам сошлюсь на недавнюю диссертацию: *Андрейчева М.Ю.* Образы иновещей в Повести временных лет. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. Выявлением в летописях цитат и микроцитат из переводных памятников (таких как сочинения Амартала, Малалы, Иосифа Флавия и др.) много занимается Т.Л. Вилкул (*Вилкул Т.Л.* Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019). О том, что такими авторитетными текстами могли быть более ранние летописи, см.: *Толочко А.П.* Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. Vol. 7. Cambridge (Mass.), 1999. P. 26—38.

— исследование устойчивой, трафаретной формы тех или иных видов или групп летописных сообщений (здесь летописеведение может смыкаться с фольклористикой¹¹, а может — с источниковедением документальных памятников)¹²;

— систематическое исследование таких случаев, когда в нашем распоряжении имеются два или три независимых летописных рассказа об одном и том же событии (этот анализ позволяет выявить характерные приёмы оправдания либо обвинения действующих лиц, и в конечном итоге лучше понять летописный текст)¹³;

— систематическое исследование тематики летописных сообщений (каков круг событий, попадающих на страницы летописей; о чём летопись сообщает эпизодически либо, наоборот, умалчивает)¹⁴;

— исследование летописных дат с точки зрения того, какие типы событий и почему чаще других получали точные датировки¹⁵.

Это лишь некоторые из подобных подходов. Их объединяет попытка систематического анализа специфических особенностей летописных текстов или каких-то конкретных типов летописных известий (рассказов). Обязательной чертой таких исследований является анализ не одного конкретного фрагмента текста, но именно рядов похожих фрагментов. На мой взгляд, подобные исследования очень перспективны в применении к летописям: ведь это протяжённые тексты, состоящие из легко вычленимых фрагментов (известий, рассказов), часто похожих друг на друга, строящихся по похожим схемам, подлежащих классификации и разного рода подсчётам.

Потенциал таких исследований до сих пор недостаточно оценён. С одной стороны, они перспективны, потому что могут проводиться с текстами в их дошедшем до нас виде (и в этом смысле не зависят от текстологических реконструкций — хотя могут и проводиться в отношении реконструируемых текстов тоже, это уже выбор исследователя). С другой стороны, они позволяют лучше понять летописи: о чём они, о каком круге событий? Что было для летописцев главным, а что — второстепенным? Для чего писались летописи? Каковы характерные приёмы умолчания, искажения, оправдания и т.п.? Насколько единообразным или, наоборот, разнообразным было летописание?

---

¹¹ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглигах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 48—92.

¹² Гимон Т.В. Опыт формулярного анализа летописных известий о церковном строительстве (Новгород, XII — начало XIII века) // Ad fontem — У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 187—204.

¹³ Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М., 2009. С. 113—225.

¹⁴ Квирквелия О.Р. Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. Сборник статей. М., 1986. С. 83—97. Я много занимаюсь этим сам, см., например: Гимон Т.В. Историописание... С. 140—160 (на с. 142 см. отсылки к работам, посвящённым анализу летописных известий на какие-то отдельные темы); Guimon T.V. What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 17: Past and Present in Medieval Chronicles. Helsinki, 2015. P. 92—117 (URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1).

¹⁵ Лаушкин А.В. Точные датировки в древнерусском летописании XI—XIII вв. Закономерности появления // Восточная Европа в древности и средневековье: Время источника и время в источнике: XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14—16 апреля 2004 г. Материалы конференции. М., 2004. С. 101—104.

Насколько сильно характер летописей менялся во времени (скажем, похожи ли друг на друга летописи XII и XV вв.) и в пространстве (так ли уж отличаются новгородские летописи от, скажем, суздальских)? Насколько похоже русское летописание на тексты подобного жанра, создававшиеся в других странах? Иными словами, систематический анализ содержания летописей — ещё один путь, позволяющий нам приблизиться к более точному пониманию летописей как исторического источника.

Алексей Сиренов

Задачи издания русских летописей

Alexey Sirenov (Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University)

The tasks of publishing Russian chronicles

DOI: 10.31857/S086956870005908-9

Изучение древнерусских летописей напрямую связано с проблемой их научного издания. До настоящего времени весь комплекс летописных известий не только не издан, но даже не выявлен и не введён в научный оборот. При этом процесс публикации летописных текстов не прекращается, временами обретая концептуальную стройность и целенаправленность, а временами его можно охарактеризовать как совершенно бессистемный. К сожалению, в настоящее время наблюдается вторая тенденция, что негативно сказывается на самом исследовании летописей. Поскольку утрачивается направленность работы по выявлению и публикации летописных текстов, создаётся впечатление, что основные работы по изучению этого ценнейшего источника закончены, и остаётся только издать отдельные малозначимые памятники. Однако это не так. Деятельность по публикации (а следовательно, и изучению) летописных текстов далека от логического завершения. Для доказательства этого положения обратимся к истории издания древнерусских летописей¹.

Первая попытка сбора списков летописей и других исторических сочинений, повествующих об истории России, была предпринята в 1703 г., когда по царскому указу стольник И.М. Кологривов отправился в поездку по крупнейшим монастырям для собирания рукописей². Привезённые им материалы хранились в библиотеке московского Печатного двора. Некоторые из них в течение XVIII в. оказались перемещёнными в Синодальную библиотеку, в то время числившуюся по одному ведомству с Типографской (бывшей библио-

¹ Обзор истории публикации древнерусских летописей неоднократно предпринимали разные исследователи: О летописях, изданных от Св. Синода / Составлено по подлинным бумагам Д. Поленовым. СПб., 1864. С. 3—4; *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999. С. 316—326; *Бобров А.Г.* Принципы издания древнерусских летописей // *Лихачёв Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб., 2001. С. 718—741; и др.

² См.: Грамота 1703 года царя Петра Алексеевича о присылке в Москву из архиерейских домов и монастырей книг для исправления Нового летописца // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 2. М., 1897. Вопрос о начале деятельности по сбору летописей поднимался в переписке А.И. Мусина-Пушкина и Н.П. Румянцева. В 1803 г. Мусин-Пушкин отсылал своему корреспонденту патриаршую грамоту с предписанием собирать летописи, относящуюся, следовательно, ко времени до кончины последнего патриарха в 1700 г. (См.: *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы XVIII в. М., 1988. С. 83).